

В. И. Сенкевич

ФЕНОМЕН ПЕРИФРАЗЫ

Аннотация. В статье постулируется феноменологический статус перифразы, обусловленный рецептивным вектором «для кого». Отмечается, что перифраза не является дискурсивной формой, не имеет семиотической экспликации и не выполняет стилистической функции. Характер перифразы текстовый и этический. С феноменом перифразы корреспондируют феномены иероглифичности, смысла и эвиденциальности. Перифрастика – область этической деривации.

Ключевые слова: перифраза, феномен, бренд, инструментальность, иероглифичность.

Несмотря на широту спектра исследовательских интересов в области перифрастики, теория перифразы до настоящего времени не сложилась. См.: [1]. Не дано лингвистического определения понятия перифразы и не установлен его объем. Такое положение, думается, связано с одним методологическим заблуждением. Перифраза понимается и трактуется как явление дискурсивной (рассудочной) речи [2, с. 189; 3, с. 6; 4]. Так, К. Фукс определяет перифразу как «вид деятельности субъекта речи по «перекодированию» исходного сообщения в сообщение формально иное, но идентичное, с точки зрения субъекта, в данной речевой ситуации» [4, с. 34.]. В таком понимании перифраза представляется специфическим способом синонимической замены языковых номинаций и выполняет функцию идентификации.

По нашему мнению, перефразирование не связано с речевой деятельностью («делом»). Перифраза не явление дискурса, а феномен недискурсивного словесного поведения пользователей языка – слова; деятельность (vs поведение). Об *этологическом* (поведенческом) статусе перифразы писал Ю. Д. Апресян. По его мнению, человек обладает языковой склонностью к перефразированию. Эта склонность обнаруживается в «языковом поведении людей» [5]. «Чем лучше говорящий владеет словарем и грамматикой языка, тем легче он перефразирует в случае необходимости свои высказывания» [6, с. 502]. Феноменально-этологический статус перифразы исключает ее из области языковой парадигматики и функционирования языка как системы знаков. Феноменологический подход к перифразе – *антиномический*. Сущность перифразы постигается через то, чем она не является.

Феноменальность перифразы обнаруживается в ее рефлексивном характере. Не называя предметы и явления объективной действительности, существующие «сами по себе», перифраза характеризует их в аспекте «для нас». Так, *картофель* (разг. *картошка*) как таковой является «корнеплодом семейства пасленовых», однако для белорусов *бульба* – это «другі хлеб», «спадарожніца жыцця», «надзённы хлеб зямлі» и др.: *Асабліва ажыўлена цяпер на бульбяных палатках. Ідзе ўборка «другога хлеба»* («Настаўн. газета»). *Ні дождж, ні град цябе не пясціць, надзённы хлеб маёй зямлі* (Р. Барадулін). *Пазней паэт прывязе з Прымор'я нізку вершаў, праспявае хвалу даўняй спадарожніцы беларуса – бульбе, што выручала яго ў цяжкія гады* («Полымя»).

Перифрастическая референция принадлежит феноменологии восприятия и корреспондирует с *брендом* – неподражаемым опытом восприятия реалий, обуславливающим их узнаваемость. В этом опыте не существенно то, кем (чем) нечто (некто) является на самом деле. Важно, за кого (что) его *признают* (принимают). Постулируемый перифразой статус референта не нуждается в подтверждении и доказательстве. Референты перифразы *узнаваемы* и оправдывают свои «звания»: *голубой экран* (телевизор), *голубые береты* (десантники), *белые халаты* (врачи), *сладкая смерть* (сахар), *белый яд* (наркотик), *лёгкие планеты* (лес), *ароматная продукция* (парфюмерия) и др.

Ничего не свидетельствуя, перифраза сама *говорит* о референте, обнаруживая в его *эйдосе* (облике) очевидную для реципиента доминирующую характеристику. Это «вещающие» элементы языка, не содержащие сообщения и не являющиеся носителями информации (сведений); сведения (*vs* вести). Знакомство с перифразой не делает слушателя либо читателя осведомленным (информированным). Реципиент становится ознакомленным – *посвященным*. Перифразой не отражаются свойства предмета (явления), а подмечаются и приближаются, становясь доступными, сущностные характеристики реалии. В этом обнаруживается эвиденциальный характер перифразы и ее эссенциальная важность для языковой этологии.

Вряд ли оправдано говорить о лексико-фразеологическом и прагматическом значении перифразирования. Перифраза не вписывается в категории «форма» и «содержание». Ее смысловой *контент* составляет всё, что возникает в сознании реципиента в ходе восприятия реалии. Это мнения, характеристики, а также реминисценции, аллюзии, стереотипы и другие ретроспекции рефлексирующего сознания, из которых складывается репутация референта и которые влияют на характер его презентации. В ходе создания перифразы форма сменяется творческим *дизайном*, не рассчитанным на грамматическую классификацию, однако доступным для описания.

Семиотический план в перифразе уступает место аспекту *знаменательности*; знак (*vs* знамение). Референты перифразы не являются «знаковыми» и «именитыми». Знания, слава и иные идентифицирующие моменты не существенны для перифразирования. Релевантными для этого художественного приема оказываются *известность* и *распознаваемость* референтов – их признание, почитаемость, а также популярность в своем социуме.

Аспект знаменательности соотносится с феноменальной характеристикой языка, составляющей антиномию знаковости – *иероглифичностью*. В знаменитом трактате Я. Друскина «Звезда бессмыслицы», посвященном творчеству А. Введенского и других участников ОБЭРИУ, автором дается следующее определение иероглифа: «Иероглиф – некоторое материальное явление, которое я непосредственно ощущаю, чувствую, воспринимаю и которое говорит для меня больше того, что им непосредственно выражается как материальным явлением» (Разрядка наша – В. С.) [7, с. 324–325]. По мнению ученого, «иероглиф можно понимать как обращенный ко мне язык нематериального, через материальное или чувственное [7, с. 325].

В существующих научных работах перифраза наделяется знаково-идентифицирующей функцией. «Перифразы – это индивидуализированные выражения», когда «разные авторы называют понятия по-разному» [8, с. 34]. Утверждается, что перифрастические построения как «вторые наименования явлений действительности» являются средствами, способствующими выразительности речи [9, с. 27]. Бытует точка зрения об аксиологической и экспрессивной природе перифразы. «В перифразе обычно содержится оценка обозначаемого... или какая-либо экспрессия...» [10, с. 334].

Перифраза, однако, не является экспрессивной единицей речи. Характер перифразы *импрессионный*. Перифразирование оживляет логос (слово, текст), делает повествование торжественным. Прагматическое ощущение ценности в перифразе сменяется восприятием стоимости. В отличие от ценности, статус стоимости феноменологический (стоит «для кого»). Представление о перифразе как о стилистической фигуре надолго определило сугубо стилистический подход к ней. Однако, не будучи функциональной единицей речи, перифраза не имеет стилистических свойств. Это феномен *этический*. Используя перифразу, говорящий / пишущий исходит из интуитивного чувства уместности.

Не имея отношения к дискурсу (делу, «ургии»), перифраза присутствует в *логосе* (слове, «логии») и обнаруживается в творчестве – недискурсивном (интуитивном) пути познания мира. Референция перифразы осуществляется в ходе *интуитивной догадки*.

Реципиент как бы разгадывает «кроссворд» – сам догадывается, о ком-чем говорит перифраза: *золотой голос России* (Н. Басков), *король эстрады* (Ф. Киркоров), *отец русской космонавтики* (К. Э. Циолковский), *создатель русского театра* (Ф. Г. Волков), *великий kobzary* (Т. Г. Шевченко), *вождь мирового пролетариата* (В. И. Ленин), *вождь всех времён и народов* (И. В. Сталин), *великий кормчий* (Мао Цзэ-дун), *буревестник революции* (М. Горький), *всесоюзный староста* (М. И. Калинин), *маршал Победы* (Г. К. Жуков), *архитектор перестройки* (М. С. Горбачев), *железная леди* (М. Тэтчер) и др.

Благодаря перифразе реалия получает свой «титул» (например, вместо *лев – царь зверей*, *пшеница – королева полей* и т. д.). Используя перифразу, говорящие и пишущие не называют предметы (явления) иначе, однако характеризуют их *по-другому* – «не так». Не определяя своих референтов, перифразы выставляют их в другом (феноменальном) свете. Это текстовые элементы языка, смысл которых сам доходит (или не доходит) до реципиента. Перифразы не «работают» на создание языковой картины мира. Статус их *архитектонический*.

Характер перифразы *инструментальный*. Перифраза не служит средством достижения субъектом речи иллюкативной цели, а выступает уникальным инструментом реализации авторского замысла. Перифразой инструментируется эйдический ареол реалии, оказывающий влияние на эффект ее восприятия: вместо *любимая женщина – женщина моей мечты*, вместо *поэт – соловей нашего времени*, вместо *жена – спутница жизни*, вместо *текст – словесная ткань*, вместо *луна – ночное светило*, вместо *дети – цветы жизни* и т. д.

Об этическом статусе перифраз говорит юмористический (а не сатирический!) характер некоторых из них: *соседка по кровати* (жена); *жидкий хлеб* (водка), *асфальтовая болезнь* (синяки и кровоподтеки на видимых частях тела как следствие падений), *сгусток нервов* (чрезмерно большой живот), *слёзы Мичурина* (плодово-ягодное вино), *нюхательная часть тела* (нос) и т. п.; у Пушкина: *юная питомица Талии и Мельпомены*, *щедро одаренная Аполлоном* (молодая талантливая актриса).

Перифразы характеризуются *мелиоративным* звучанием: *Не раз сгорая дотла и восставая из пепла, Москва, – даже оставшись после Петра Великого «порфиросной вдовой», – не утратила своего значения, она продолжала быть сердцем русской национальности, сокровищницей русского языка и искусства, источником просвещения и свободомыслия даже в самые мрачные времена* (А. Твардовский). Аналогично: *северная Венеция* (Санкт-Петербург), *страна восходящего солнца* (Япония), *туманный Альбион* (Англия), *певец «березового ситца»* (С. Есенин), *белокаменная столица* (Москва) и др.

Нельзя не отметить *поэтический* статус перифразы. Многие перифразы снабжаются пометами «*поэт.*», «*народно-поэт.*». Чаще всего это окказионально-авторские дериваты: бел. *начная зязюлька (зязюленька)* (поэт.) – жена; *два васількі, жытнёвыя васількі* (поэт.) – глаза; *адродкі белай Русі* (поэт.) – белорусы; рус. *руки милой – пара лебедей* (С. Есенин) и т. п. А. Мицкевич поэтически называет год краткосрочной вольности (1812) «*rokiem urodzaju*»: *O roku ów! kto ciebie widział w naszym kraju! Ciebie lud zowie dotąd rokiem urodzaju...* (А. Мицкевич); у Пушкина: *певец Гяура и Жуана* (Байрон), *певец Литвы* (Мицкевич), *творец Макбета* (Шекспир). *Слыхали ль вы за рожей глас ночной певца любви, певца своей печали* (А. С. Пушкин). Поэт получает характеристику «невольником чести»: *Погиб поэт, невольник чести, Пал, оклеветанный молвой...* (М. Ю. Лермонтов).

К разряду перифраз принадлежат уникальные поэтические композиты, созданные творческим воображением художников слова. Перифразированием создается изобразительная виртуальная реальность. Творческая сила сознания, работающего в режиме воображения, вкладывает самые разные смыслы в один и тот же референт. Возникает серия перифрастических «званий» одной реалии. Так, Беларусь – это и «*земля под белыми*

крыльями», и «край голубых озёр», и «земля Купалы и Коласа», и др. Однако, помимо изобразительных дериватов, к перифразе принадлежат и целиком прозаические образования: автор «Евгения Онегина» (Пушкин), первый космонавт (Гагарин), открыватель Америки (Колумб) и др.

Перифраза – известный инструмент и прием публицистики. Источниками перифразы становится периодическая печать, а также радио и телевидение: люди огненной профессии (сталевары), людская река (масса людей), янтарный край (Прибалтика), остров Свободы (Куба), жидкое топливо (нефть), лесной солдат (партизан), разведчик космоса (космонавт) и др. Часто употребляющиеся в СМИ парафразы становятся газетными штампами: труженики полей (крестьяне), корабль пустыни (верблюд), вечер жизни (старость), голубое золото (газ), бойцы идеологического фронта (журналисты) и др. Штампованность присутствует в перифразах дары моря, флагман индустрии, эстафета поколений, правофланговые пятилетки, работники прилавка и др.

Возникновение перифразы мотивировано стремлением автора к «остранению» (термин В. Шкловского), выводящему реципиента из привычного автоматизма восприятия. Перифразой замечается необычное («странное»), что благоприятствует свежести восприятия. Однако творческий «беспредел» превращает перифразу в публицистический штамп. Например, над одним из восторженных «бойцов идеологического фронта» иронизирует писатель В. Войнович:

Все обыкновенные слова казались ему (журналисту Ермолкину) недостойными нашей необыкновенной эпохи, и он тут же выправлял слово «дом» на «здание» или «строение», «красноармеец» на «красный воин». Не было у него в газете ни крестьян, ни лошадей, ни верблюдов, а были «труженики полей», «конское поголовье» и «корабли пустыни». Люди, упомянутые в газете, не говорили, а заявляли, не спрашивали, а обращали свой вопрос. Немецких лётчиков Ермолкин называл фашистскими стержняниками, советских лётчиков – сталинскими соколами, а небо – воздушным бассейном или пятым океаном. Особое место занимало у него в словаре слово «золото». Золотом называлось всё, что возможно. Уголь и нефть – «черное золото». Хлопок – «белое золото». Газ – «голубое золото». Говорят, однажды ему попалась заметка о старателях, добытчиках золота, он вернул заметку ответственному секретарю с вопросом, какое именно золото имеется в виду. Тот ответил: обыкновенное. Так потом и было написано в газете: добытчики золота обыкновенного (В. Войнович. «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»).

Творческая сущность парафразы выводит ее за рамки словообразовательной системы языка. Создание перифразы – «не способ». Перифраза – область этической деривации, где ничего не «образуется от...» и не «происходит из...», а возникает в силу авторского воображения и таланта. Как и любой деривационный элемент, перифраза не образуется в результате словопроизводства, а возникает в ходе переосмысления референта – обнаружения в нем ещё неизвестных сторон. Перифрастические дериваты могут составлять интегрированные незамкнутые комплексы, возникающие на базе доминирующего в смысловом аспекте ключевого компонента:

король : король спорта (футбол), король футбола (Пеле), король сказок (Андерсен), король эпидемий (грипп) и др.;

корабль : корабль пустыни (верблюд), корабль революции (крейсер Аврора), воздушный корабль (самолет), степной корабль (комбайн) и др.;

жемчужина : жемчужина Черноморья (Одесса), жемчужина искусств (г. Петродворец), жемчужина Тянь-Шаня (озеро Иссык-Куль), жемчужина Андриатики (г. Венеция) и др.

Насущный вопрос изучения перифразы – ее распознавание и отмежевание от языковых явлений, не обладающих феноменально-логистическим характером и принадлежащих именной дискурсии. Перифраза – область паремиологии. Было бы неоправданным включать в состав перифраз фразеологические единицы. Фразеология дискурсив-

на. Обычно фразеологизируются акциональные глаголы, например: умереть (акт смерти) – *почить в бозе*; родиться (акт рождения) – *прийти на свет*; жениться (акт бракосочетания) – *связать себя узлами Гименея*, поджечь чью-либо собственность (уголовно наказуемый акт) – *пустить красного петуха* и т. д.: *Всё началось с того, что двое молодых могилевчан решили связать себя узлами Гименея* («Обозреватель»). *Нет острых ощущений, всё старьё, мельё и хлам, Того гляди с тоски сыграешь в ящик* (В. Высоцкий); сравн. пол. *kornać już w kalendarz, wachać kwiaty ze srodu* и т. д. Подлежащие фразеологизации акты принадлежат к области юридической компетенции: поджог, бракосочетание, смерть, рождение, убийство и т. п.

Таким образом, сущность перифразы логистическая и этологическая. Перифраза – возвышающее «звание» реалии, характеризующее ее статус и модус присутствия в общественном сознании. Аналогичным характером, говорящим о масштабах присутствия кого-либо, обладают звания творческих людей, титулы. Феноменологический вектор «для кого», неизменно сопутствует перифразе и выводит ее из области формально-грамматического анализа, использующего традиционные методы и категории. Разграничение деривации и словообразования открывает возможности, с одной стороны, интерпретировать корпус культурнозначимых экзистенциальных единиц речи, а с другой – выявить и описать этический инструментарий языка сущности, к которому и принадлежит перифраза.

Список использованных источников

1. Бытева, Т. И. Краткий очерк истории и современного состояния проблемы перифразы / Т. И. Бытева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/kratkiy-ocherk-istorii-i-sovremennogo-sostoyaniya-problemy-perifrazy>. – Дата доступа : 26.10.2021.
2. Григорьев, В. П. К проблеме перифразы / В. П. Григорьев // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. – Т. IV. – Калинин, 1974. – С. 158–274.
3. Кобылянский, И. Ю. Перифраз как функционально-семантическая единица речи (на материале современной украинской советской прозы, поэзии и публицистики) : автореф. дис... канд. филол. наук / И. Ю. Кобылянский. – Ужгород, 1986. – 27 с.
4. Fuchs, C. A parafrase linguistica: Equivalencia, sinonimia ou reformulacao? / C. Fuchs // Cadernos de estudos ling. – Campinas, 1985. – N 8. – P. 129–134.
5. Апресян, Ю. Д. Синонимические средства языка и правила перифразирования / Ю. Д. Апресян // Русский язык в национальной школе. – 1972. – № 3. – С. 19–27.
6. Апресян, Ю. Д. Английские синонимы и синонимический словарь / Ю. Д. Апресян // Англо-русский синонимический словарь. – М. : Рус. яз., 1979. – 544 с.
7. Друскина, Я. С. Звезда бессмыслицы / Я. С. Друскин // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. – М., 2000. – Т. 1, Леонид Липовский, Александр Введенский, Яков Друскин. – 2000. – С. 323–416.
8. Малажай, Г. М. Сучасная беларуская мова: перыфраза : [вучэб. дапам. для філ. фак. пед. ін-таў] / Г. М. Малажай ; пад рэд. Ф. М. Янкоўскага. – Мінск : Выш. шк., 1980. – 93 с.
9. Кожин, А. Н. Перифрастические построения в языке советской эпохи / А. Н. Кожин // Русский язык в школе. – 1977. – № 4. – С. 89–94.
10. Бельчиков, Ю. А. Перифраза / Ю. А. Бельчиков // Русский язык : Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Советская энциклопедия, 1979. – С. 203–204.

Abstract. The article postulates the phenomenological status of the periphrasis, conditioned by the receptive vector “for whom”. It is noted that periphrasis is not a discursive form, has no semiotic explication and does not fulfill a stylistic function. The periphrasis has textual and ethological character. The phenomena of hieroglyphicity, meaning and evidentiality correspond with the phenomenon of periphrasis. Perophrastics is the area of ethical derivation.

Keywords: periphrasis, phenomenon, brand, instrumentality, hieroglyphicity.